

МЕМОАРЫ НЕУДАЧЛИВОГО КОЛДУНА

Том 1. Искатель и Костяная искра

Клепиков Василий Сергеевич

18+

Клепиков Василий

**Мемуары неудачливого колдуна.
Том 1. Искатель и Костяная искра**

«Автор»

2026

Василий К. С.

Мемуары неудачливого колдуна. Том 1. Искатель и Костяная искра
/ К. С. Василий — «Автор», 2026

Магия — это не дар. Это сделка. Юный ученик волхва Микула совершает роковую ошибку: разрушает древний чертог и берёт в руки костяную фигурку — артефакт, который дарует силу, но высасывает душу. Изгнанный учителем, преследуемый мёртвыми слугами, он бежит через лес, полный древних духов, где каждая встреча — торг, а цена выше, чем кажется. В деревне Погост, где гниёт вода и умирают дети, Микула встречает Юбаву — травницу, которая знает больше, чем говорит. Чтобы спасти деревню, он должен спуститься в капище и встретиться с тем, кто кормится страхом. Но плата за победу может оказаться страшнее самого поражения. Первая книга тёмного славянского фэнтези «Мемуары неудачливого колдуна» — история о цене взросления, о выборе без надежды и о том, что даже у предательства есть своя правда.

© Василий К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Отрок Микула	9
Глава 2. Запретный чертог	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Клепиков Василий

Мемуары неудачливого колдуна.

Том 1. Искатель и Костяная искра

Пролог

Лес встретил его тишиной.

Не той, что бывает перед рассветом, когда звери ещё спят, а птицы не смеют нарушить покой. Другой — давящей, вязкой, как смола, которая застывает в лёгких и не даёт дышать. Каждый вдох — усилие. Каждый выдох — хрип.

В ноздри ударил сладкий, тошнотворный дух — так пахнет падаль, пролежавшая в болоте неделю. К нему примешивался другой запах, резкий, медный — запах свежей крови. Его собственной. Лес не просто гнал его — лес накрывал его своим дыханием, проникал в поры, в уши, в горло.

Микула бежал.

Не оглядываясь. Не сбавляя шага.

Ветки хлестали по лицу, рвали одежду, оставляли кровавые полосы на щеках и лбу. Одна ударила по глазу — перед глазами вспыхнуло белым, но он только зажмурился и побежал быстрее. Боль он не чувствовал — только страх, который сжимал сердце холодными, скользкими пальцами. Страх не за себя. За тех, кто попадётся на пути тем, кто шёл за ним.

Беги, — сказал он себе. — Беги, пока ноги несут.

Ноги несли. Но с каждым шагом тяжелее, с каждым вдохом короче. Воздух стал густым, как кисель, и каждый глоток приходилось вырывать у леса силой.

Трещотка за спиной звучала ровно, как удары молота по наковальне. Метроном смерти. Она не умолкала ни на секунду — сухой, ритмичный треск, от которого закладывало уши и начинало рябить в глазах.

Правый глаз заплыл — он чувствовал, как веко наливается тяжестью, как сужается поле зрения. Но левый видел. Этого хватало.

Тук-тук-тук-тук.

Микула знал: это не просто шум. Это магия следа. Каждый удар трещотки высасывал из него крупицу жара, делал слабее, медленнее. Жар уходил, а вместе с ним — силы, надежда, сама жизнь. Он чувствовал, как внутри, в груди, где раньше горел ровный, тёплый огонь, теперь дышит холодная пустота. Она расширялась с каждым ударом трещотки, занимая место, где раньше был жар.

Ты уже почти пуст, — сказал внутренний голос. — Ещё немного — и ты не сможешь даже дышать.

Он споткнулся о корень, упал, зарылся лицом в гнилую листву. Земля пахла сыростью и смертью. Листья под щекой были скользкими, полуразложившимися — они чавкнули, когда он ударился о них, и из-под них брызнула чёрная, вонючая жижа. Он лежал секунду, другую, хватая ртом воздух, и чувствовал, как холод поднимается от земли, пробирается под рубаху, лижет рёбра.

Вставай, — приказал он себе. — Вставай, иначе они настигнут.

Он встал. Колено саднило, штанина порвана, но он не смотрел. Нельзя останавливаться.

Ветки снова хлестали по лицу, и тут он понял — они двигаются. Не от ветра. Сами. Тянутся к нему, как пальцы. Смыкаются за его спиной, преграждают путь, открывают новые проходы туда, где темнее, где грязь глубже, где запах гнили сильнее.

Лес гонит тебя, — понял он. — Лес на их стороне.

— Почему? — прохрипел он вслух.

Ответа не было. Только трещотка — тук-тук-тук-тук — и тяжёлое дыхание. Его собственное — рваное, с присвистом. Где-то в груди что-то хлюпало при каждом вдохе. Может, сломанное ребро. Может, просто лёгкие отказывали.

Ты предал свой лес, — вспомнил он слова Могута. — Ты предал своё дело. Теперь всё против тебя.

Он бежал уже вторые сутки. Не спал, не ел. Жар почти иссяк, оставив в теле тупую пустоту — там, где раньше горела жизнь. Теперь там была только тьма. Холодная, липкая, как могильная земля.

Ты умрёшь здесь, — сказал внутренний голос. — Никто не найдёт твоего тела. Никто не вспомнит твоего имени.

Он вылетел на поляну.

Маленькую, заросшую высокой, пожухлой травой. В центре лежал валун, поросший мхом. А рядом — бледная фигура, скорчившаяся на земле. Собиратель ночных трав. «Подберезничек» — так их называли в деревнях: бедняки, что искали светящиеся грибы для знахрей. Они бродили по лесу в одиночку, полагаясь только на удачу и старые заговоры.

— Уходи, — прохрипел Микула, на бегу хватая его за плечо. — Беги. Сейчас же.

Человек поднял голову. В глазах — тупой ужас, рот открыт, но ни звука. Он уже увидел их. Тени за спиной Микулы. Те, что выходят из леса, не раздвигая веток.

— Слышишь? — крикнул Микула. — Беги!

Собиратель трав вскинул руки, словно пытаясь заслониться, и из его корзинки посыпались грибы — бледные, светящиеся в темноте, как обрывки чужих снов. Один из них, самый крупный, лопнул, ударившись о землю, и из него вытекла светящаяся слизь. Остальные падали в грязь и гасли, как свечи. Он не побежал — замер, как кролик перед удавом. Микула увидел, как по его штанине расползается тёмное пятно — собиратель обмочился от страха.

Поздно, — понял Микула. — Он уже не уйдёт.

Треск приблизился. Стал громче. И вот они вышли из леса.

Трое.

Одинаково высокие, одинаково худые, с неестественно вытянутыми конечностями. Кожа бледная, почти прозрачная, как воск. Под ней, вместо мышц и костей, угадывалась тьма. Жидкая, тягучая, пульсирующая. Только трещины, расходящиеся по телу, светились тусклым зелёным — как гнилушка в болоте, как сердце умирающего зверька.

Глаза пустые, без зрачков, но глядящие прямо в душу. В этих глазах не было ничего — ни злобы, ни голода, ни мысли. Только пустота. И эта пустота была страшнее любой угрозы.

«Ищущие».

Микула знал их природу. Могут не просто натравил на него учеников — он превратил живых людей в пустые оболочки, вложив в их груди рунные камни. Теперь они не знали ни боли, ни жалости, ни сомнений. Только цель.

Они были людьми, — подумал Микула. — Такими же, как я. А теперь теперь они просто оружие.

— Я не вернусь, — сказал Микула, выпрямляясь, заслоняя собой собирателя трав. — Передайте своему хозяину.

«Ищущие» не ответили. Не умели.

Один из них сделал шаг вперёд. Воздух вокруг задрожал. Из трещин на его груди вырвался сноп зелёных искр — они закружились вокруг Микулы, обжигая кожу, оставляя на ней красные, воспалённые следы. Каждая искра впивалась, как крошечная игла, и шипела, касаясь пота.

Они проверяют тебя, — понял он. — Проверяют, сколько в тебе осталось жара.

Микула почувствовал, как жар внутри дёрнулся, пытаясь вырваться наружу. Но сил почти не осталось. Он потянулся к последнему резерву — тому, что берег на самый крайний случай.

— Надо что-то делать, — прошептал он.

Он отступил на шаг, упёрся спиной в валун. Пальцы сами начали чертить руны в воздухе — ту самую, «Спас», которой учил Могут. «Только в крайнем случае», — говорил учитель. «Она забирает не жар — жизнь».

Крайний случай настал.

Пальцы дрожали, символы получались кривыми, но он надеялся — хватит.

Руна засветилась. Слабо, едва заметно.

— Прочь! — крикнул Микула и выпустил энергию.

Но что-то пошло не так.

Ударная волна вырвалась из его рук беспорядочным потоком, рванула в сторону, ударила в валун, разнесла его в щебень, а затем — в собирателя трав.

Человека подбросило в воздух, как тряпичную куклу. Он описал дугу, ударился о ствол и рухнул на землю с глухим влажным стуком. Что-то хрустнуло — позвоночник? Череп?

Микула почувствовал, как по руке, от кончиков пальцев до локтя, пробежала ледяная игла. Чужая жизнь, которую он вырвал, коснулась его и ушла в землю. Он ощутил вкус смерти — металлический, горький, как полынь. Пальцы онемели, на них выступил иней. На тыльной стороне ладони проступила синяя жила — не его, чужая. Она пульсировала ещё секунду и затихла.

Он смотрел на мёртвое тело. Шея неестественно выгнута. Глаза открыты, но уже не видят — они лопнули, и по щекам текли две мутные дорожки. Из рта вытекала тёмная, почти чёрная кровь, смешанная с осколками зубов. Из ушей сочилась розоватая жидкость — мозг, превратившийся в кашу. Светящиеся грибы из корзинки медленно угасали, покрываясь пеплом.

Микула замер.

Что ты наделал?

— Нет — прошептал он. — Я не хотел.

Лес не сказал — он выдохнул. Слова пришли сквозняком, который пробрал до костей, ударил в рёбра вибрацией, заставил зубы лязгнуть:

— Ты убил его. Не Ищущие. Ты. Своей рукой. Своей глупостью.

А потом трещотка зазвучала снова. Ещё громче, ещё ближе.

Тук-тук-тук-тук.

«Ищущие» замерли. Потом снова двинулись вперёд, перешагивая через труп, не обращая на него внимания. Их босые ступни ступали по мёртвому телу, вдавливая лицо собирателя в грязь. Им было всё равно. Они пришли за ним.

Они не люди, — понял Микула. — Давно перестали ими быть. Только оболочки.

Микула развернулся и побежал. На этот раз — не оглядываясь совсем.

Трещотка звучала в ушах, сердце готово было выпрыгнуть из груди, а перед глазами стояло лицо мёртвого собирателя трав. Его лопнувшие глаза. Его руки, тянущиеся к небу. Его ступни, дёргающиеся в посмертной судороге.

Ты убил невинного, — сказал внутренний голос. — Ты такой же, как они. Как Ищущие. Как Могут.

— Я не хотел, — прохрипел он. — Я не хотел!

Но ты сделал.

Лес кончился внезапно. Микула вылетел на берег реки. Вода была чёрной, неподвижной, как зеркало мёртвого мира. В отражении он увидел свои руки — они дрожали. За спиной снова затрещала трещотка.

— Прости, — прошептал он в темноту.

И шагнул в воду.

Холод обжёг ноги, поднялся выше колен, выше пояса. Он шёл, пока вода не сомкнулась над головой. Трещотка зазвучала глухо, потом стихла. Вода хлынула в рот, в лёгкие, в душу — ледяная, пахнувшая тиной и железом. Он не сопротивлялся. Где-то на грани сознания он чувствовал, как тело бьётся в конвульсиях, как лёгкие разрывает от недостатка воздуха, — но ему было всё равно.

«Ищущие» стояли на берегу, глядя в чёрную гладь. Зелёное свечение в их грудях пульсировало в такт трещотке. Потом один из них повернулся, и они молча ушли в лес.

Они знали: фигурка не даст ему утонуть. От её носителя так просто не избавиться.

А Микула лежал на дне, глядя в мутную тьму. Вода заливалась в рот, в лёгкие, в душу. Он не сопротивлялся.

За что? За что я убил того человека? За что учитель проклял меня? За что они идут за мной?

И в этот момент, на самом краю сознания, он услышал голос. Не свой. Чужой. Древний. Словно сама земля заговорила с ним.

— Ты ещё не готов. Иди назад.

Микула открыл глаза. Его выбросило на берег как щепку. Он лежал на мокром песке, кашлял, выплёвывал воду с тиной и желчью. Грудь горела, горло саднило. Солёная вода смешивалась на губах с кровью из разбитого лица, и этот вкус был вкусом его новой жизни. Он перевернулся на бок, и его вырвало чёрной водой пополам с кровью.

И он засмеялся — безумно, надрывно. Смех перешёл в кашель, кашель — снова в смех.

— Не готов, — прошептал он. — Всегда не готов.

Звёзды над головой казались холодными, чужими. Но они горели. И это было единственным светом в его новой жизни.

Он лежал, смотрел в небо и думал.

Ты убил человека. Ты сжёг чертог. Ты предал учителя. И теперь за тобой охотятся твари, которые когда-то были людьми. Что дальше? Куда ты пойдёшь?

Ответа не было.

Только фигурка в кармане нагрелась — впервые за долгое время. И в этом тепле, на самом дне, пульсировала сила. Чужая, тёмная, голодная.

Она ждёт, — понял он. — Она всегда ждала.

— Не хочу, — сказал он. — Не буду.

Фигурка не ответила. Но он почувствовал, как его сердце, уставшее, надорванное, вдруг сделало лишний удар — в такт её пульсу. Раз. Другой. Подстраивается.

Это ты? — хотел спросить он. — Ты бьёшься вместо меня?

Он не спросил. Потому что боялся услышать ответ.

Микула встал, отряхнулся, пошёл вдоль берега. Песок под ногами был холодным и мокрым. Он не оглядывался. Сзади, в лесу, снова зазвучала трещотка — тихо, на грани слышимого. Но он не бежал.

Глава 1. Отрок Микула

Немного ранее.

Утро в избе Могута начиналось с запаха кислого теста и горьких трав. Я открыл глаза — потолок из тёмных, закопчённых брёвен, щели законопачены мхом. Рядом на гвозде висели пучки сушёной полыни, зверобоя, медвежьего уха. Воздух был плотным, пахло дымом, воском и ещё чем-то сладковатым, неуловимым — может, старыми снами, застрявшими между брёвен.

Я сел, потёр лицо. Ладони шершавые, с заусенцами — вчера рубил дрова, сегодня они будут болеть. Потянулся — в спине хрустнуло, заныли мышцы.

Третья зима здесь. А привыкнуть не могу. Всё кажется чужим — даже воздух пахнет не так, как в детстве. Хотя детства я почти не помню — только обрывки. Снег. Женские руки, вытаскивающие меня из сугроба. Голос, поющий на незнакомом языке. И холод. Всегда холод.

Печь ещё не топили, но было тепло — Могут вставал затемно, разжигал огонь и варил отвар. Из-за перегородки доносилось тихое бормотание: учитель читал заговор или просто перебирал чётки. Я натянул порты, сунул ноги в лапти, накинул рубаху. Вышел во двор.

Стужа кусала за щёки, заставляла дышать чаще. Небо низкое, серое, но снега нет — земля промёрзла, трава жёсткая, сухая. Где-то у леса кричала ворона. Я подошёл к колоде, набрал воды в деревянное ведро. Ледяная, она обжигала пальцы, но я опустил руки по локоть.

Холод пополз по запястьям, забираясь под рукава, и где-то на грани памяти снова мелькнуло: снег, много снега, женские руки. Или ветки? Не помню. Только голос — незнакомый, но родной. Мать? Или чужая женщина, которая спасла меня? Не знаю. Могут никогда не рассказывал, откуда я взялся. Только однажды обронил: «Твой жар был виден издалека. Поэтому я тебя и нашёл».

Я чистил коренья — прошлогодние, с жёсткой корой. Вода стекала по запястьям, холод полз к локтям, к плечам. Мышцы сжимались, ныли. Потом вроде привыкаешь — и тепло, которое скопилось в груди, начинает перетекать в пальцы, согревать их изнутри. Или жар согревает? Не различал.

Жар, — сказал я себе. — Трачу жар на воду. Дурак.

Но тёплая вода приятнее. Может, в этом и есть смысл — тратить понемногу, чтобы не замёрзнуть. Могут бы не одобрил. Он говорил: «Жар — не для твоего комфорта. Жар — для дела». Но он не стоял сейчас по локоть в ледяной воде.

Из ручейка, что тёк от колоды, пахло железом и болотом. Вода мутная, но чище не найти — до весны ещё далеко. Я смотрел на свои руки — огрубевшие, красные, с чёрными ногтями. Пальцы не слушались от холода. Если учитель прикажет чертить руну — не смогу. Опозорюсь.

Если прикажет. А он всегда приказывает.

— Микула! — донеслось из избы.

Внутри было тепло и пахло кашей. Могут сидел у печи, перебирал камни — маленькие, отполированные, с вырезанными знаками. Некоторые слабо светились, другие были тёмными, как угли. Он не поднял головы, только буркнул:

— Садись. Ешь.

Я сел на лавку, взял деревянную миску. Каша жидкая, с кусочками сала и сушёными ягодами. Пахло можжевельником и ещё чем-то горьким — не знаю, чем. Может, корень петровского креста. Вкуса почти нет, но тепло разливается по телу. Это важно. Жар восстанавливается не только сном, но и едой, и теплом. Могут учил: «Всё, что греет, питает жар. Но не всё, что греет, полезно». Он часто говорил загадками.

— Ты начертил вчера «Воду» вместо «Огня», — сказал Могут, откладывая камни. — Почему?

— Рука дрогнула.

— Рука не дрожит сама. Дрожит от слабости. От страха. От того, что ты не веришь в то, что делаешь.

Я молчал. Он прав. Вчера я боялся. Боялся, что огонь вырвется из-под контроля и подожжёт избу. Боялся, что не справлюсь. Боялся, что учитель разочаруется — снова.

Ты вечно боишься, — сказал внутренний голос. — Боишься его. Боишься себя. Боишься фигурки, которая смотрит с полки.

Я покосился на полку. Фигурка стояла там, в углу — костяная, с янтарными глазами. Она не шевелилась, но я чувствовал её взгляд. Всегда чувствовал. Особенно по ночам, когда она нагревалась и пульсировала в такт моему сердцу.

— Магия, — сказал Могут, — это не сила, как ты думаешь. Это умение договариваться. С огнём, с водой, с травой, с камнем. Ты просишь — мир отвечает. Но за ответ надо платить.

— Чем? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Жаром. Жизнью. Памятью. Иногда — чужой кровью.

Я поставил миску на стол.

— А можно заплатить не своей?

Могут поднял на меня глаза. Взгляд тяжёлый, почти стеклянный.

— Можно. Но тогда ты станешь тем, кто берёт чужое. А такие долго не живут. Или живут, но перестают быть людьми.

Он кивнул в угол, на фигурку.

— Как она?

Я спросил тихо, почти шёпотом. Может, надеялся, что он не услышит. Или услышит и наконец ответит.

Могут промолчал.

После завтрака мы вышли во двор. Могут достал из мешка кусок бересты, уголь.

— Сегодня будем учить «Черты и Резы». Не те, простые, что ты знаешь, а настоящие. Древние. Смотри.

Он начал чертить. Маленький кусочек угля оставлял на бересте чёткие линии — прямые, изогнутые, с точками и завитками. Я смотрел, как рождается символ, и чувствовал: что-то внутри отзывается. Жар в груди слабо пульсировал, будто узнавал руну.

— Это «Реза Мира», — сказал Могут. — Означает границу. Между мирами, между жизнью и смертью, между правдой и ложью.

Я взял бересту, попробовал скопировать. Пальцы не слушались — уголь крошился, линии получались кривыми. Жар внутри дрогнул, но не перетёк в руку. Я слишком напрягся. Слишком боялся ошибиться.

— Твоя рука не верит, — сказал Могут. — Ты боишься сделать не так.

— Я не боюсь.

— Врёшь.

Он взял мою руку, сжал пальцы, заставил чертить вместе. Его ладонь была сухой и горячей, как печной камень.

— Не дави. Проси.

Я попытался. Не давить — просить. Представить, что руна уже есть в бересте, а я только проявляю её. Жар в груди дрогнул, перелился в руку, в кончики пальцев — и ушёл в бересту. Реза проступила — ровная, чёткая.

— Хорошо, — сказал Могут, отпуская мою руку. — Запомни это ощущение. Так просит тот, кто верит.

Он ушёл в избу, оставив меня одного. Я смотрел на бересту, на ровную линию руны, и чувствовал странную смесь гордости и опустошения. Жар ушёл. Немного, но ушёл. А вместе с ним — что-то ещё. Может, день жизни. Может, неделя. Кто знает.

До вечера я чертил. Снова и снова. Береста кончилась — взял другую. Пальцы болели, уголь крошился, но я не останавливался.

Хочу, чтобы получилось. Хочу быть сильным. Хочу, чтобы Могут гордился мной. Хочу, чтобы фигурка перестала смотреть так, будто ждёт чего-то.

К вечеру получилось. Три Резы — почти правильных. Я глядел на изрезанные линии и чувствовал, как жар утекает. Потом перевёл взгляд на свои руки — и вдруг понял, что забыл, как выглядело лицо матери. Только что помнил — а теперь пустота. Секундная паника. Вроде бы не сильно, но заметно. Как будто кто-то выдернул нить из полотна памяти.

За три руны — час жизни? Или неделя? Я не знал.

Я сунул бересту в карман, пошёл в избу. Могут сидел у печи, молчал. Только фигурка на полке смотрела на меня — и мне показалось, что она повернула голову.

Я замер.

Показалось?

Фигурка стояла неподвижно. Но глаза её — янтарные, глубокие — горели. В них, на самом дне, бился живой огонёк.

— Учитель, — сказал я. — Она двигается.

Могут поднял голову, посмотрел на фигурку. Мне показалось, или его пальцы сжались на чётках чуть сильнее? Потом он перевёл взгляд на меня.

— Тебе показалось. Иди спать.

Я лёг на лавку, закрыл глаза, но уснуть не мог. Фигурка стояла у меня за спиной — я чувствовал её взгляд. Холодный, тяжёлый. Она что-то хотела от меня. Что-то, чего я пока не понимал.

Ты, — прошептал я. — Что тебе нужно?

Ответа не было. Только сердце стучало где-то в ушах.

Ночью мне приснился сон.

Я стоял на берегу чёрной реки. Вода была неподвижна, как стекло, но я знал: если шагну туда, она сомкнётся и не отпустит. Не утопит — заберёт. Втянет в себя, как в глотку.

Я посмотрел в воду — и не увидел своего отражения. Вместо него из глубины глядела фигурка. Она была больше, чем в жизни. Её костяное тело разбухло, стало почти человеческим — но неправильным, как у трупа, который пролежал в воде неделю. Конечности вывернуты под неестественными углами. А улыбка была слишком широкой — трещина, рассекающая костяное лицо пополам.

Она смотрела на меня снизу вверх, и её янтарные глаза горели сами, как два болотных огонька, зажжённых под водой.

— Ты придёшь, — сказала она моим голосом. Губы на отражении не двигались, но голос звучал у меня в голове, под черепом, как зуд. — Рано или поздно.

Я хотел закричать — и не смог. Горло сжалось, как будто невидимая рука взяла за кадык и сдавила.

— Ты уже пришёл, — продолжала она, и улыбка стала ещё шире, трещина поползла дальше, раскалывая костяной череп на две половинки. Из трещины потекла тёмная, маслянистая жидкость — не кровь, что-то хуже. Она растекалась по воде и не смешивалась с ней. — Ты просто не знаешь.

Я дёрнулся — и проснулся.

Проснулся в холодном поту. За окном занимался рассвет. Фигурка стояла на полке, и её янтарные глаза горели в темноте.

— Что ты? — прошептал я.

Она не ответила. Но я знал — она слышала.

На следующий день Могут сказал:

— Сегодня ты попробуешь начертить руну «Огонь» на воде. Не на бересте, не на камне — на воде.

Я удивился.

— На воде? Но она растекается.

— Потому и попробуешь.

Мы вышли к пруду. Вода была чёрной, холодной. Могут протянул руку, и на поверхности появилась рябь — не от ветра, от его пальца. Жар учителя был так силен, что вода чувствовала его.

— Рисуй.

Я опустил палец в воду. Попытался начертить линию — она расплылась, исчезла. Снова — ничего. Вода не держала. Холод поднимался по пальцу, по руке, до самого плеча. Жар внутри дрожал, но не шёл.

Ты боишься, — сказал внутренний голос. — Вода чувствует страх. Она не держит его.

Я закрыл глаза. Вспомнил, как горела береста под пальцами. Представил огонь, который просит его выпустить. Жар в груди дрогнул, перелился в руку.

Я открыл глаза и начертил.

Руна засветилась — тускло, но ровно. Вода под ней нагрелась, зашипела и пошла пузырями. Я чувствовал, как жар утекает, но не мог остановиться. Это было прекрасно. Это было страшно.

— Отпусти, — сказал Могут.

Я убрал руку. Руна погасла.

— Почему? — спросил я. — Я мог

— Ты бы сжёг пруд. И себя. И меня. — Он запнулся на слове «меня» и отвёл взгляд. Я заметил это, но списал на усталость. — Ты не умеешь останавливаться. Это опаснее, чем не уметь начинать.

Он повернулся и пошёл к избе.

Я остался у пруда, глядя на чёрную воду. Пальцы свело судорогой — они были ледяными, хотя вода кипела секунду назад. Жар ушёл, а взамен пришёл холод. Такой же, как от фигурки по ночам.

Я почти смог, — подумал я. — Почти.

Вечером мы ужинали молча. Могут смотрел на огонь, я — на фигурку. Она не шевелилась, но я знал — она ждёт.

— Завтра, — сказал Могут, — я покажу тебе капище. Где наши предки разговаривали с богами.

— Они отвечали? — спросил я.

— Иногда. Им не нравились глупые вопросы.

Я не стал спрашивать, что такое «глупые вопросы». Лёг спать и долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок.

Завтра. Завтра я увижу капище.

И в этом «завтра» мне чудилось что-то важное. Что-то, что изменит всё. Что-то, чего я одновременно ждал и боялся.

Фигурка на полке смотрела на меня и улыбалась. Я мог поклясться — улыбалась. Её костяная пасть была приоткрыта чуть шире, чем днём. Или мне казалось.

Ты знаешь, что будет, — прошептал я.

Ответа не было. Только тишина. И холод, ползущий по спине.

Глава 2. Запретный чертог

Дни ожидания

Я не спал — я думал.

Прошло три дня после того разговора у пруда. Три дня, а я всё ещё чувствовал на пальцах тепло руны, которая засветилась на воде. И холод, который пришёл следом. Пальцы помнили оба ощущения и не могли решить, какое из них настоящее.

Я почти смог, — твердил я себе. — Почти.

Но внутри, глубоко, я знал: Могут прав. Я не умею останавливаться. Не умею просить — только брать. И платить. Платить жаром, памятью, годами жизни — не задумываясь, лишь бы получить желаемое. А потом удивляться, почему внутри пустота.

Каждое утро я вставал затемно, рубил дрова, носил воду. Руки болели, спина ныла, но я не жаловался. Физическая боль заглушала ту, другую, что копилась в груди — липкую, холодную, как ком мокрой глины. Я бил топором по чуркам и представлял, что выбиваю из себя страх. Не помогало.

Ты слаб, — шептал внутренний голос. — Слаб и глуп. Учитель стыдится тебя.

Я смотрел на свои ладони — мозоли, трещины, чёрные ногти. Пахло от них дымом и смолой. Руки работника, а не колдуна.

— Заткнись, — сказал я вслух.

Из-за перегородки донёсся кашель Могута. Старик кашлял всё чаще в последнее время. Я замечал это, но не спрашивал — он бы всё равно не ответил. Могут не жаловался. Могут вообще мало говорил о себе. Три зимы я жил под его крышей и не знал о нём почти ничего. Только то, что он древний — древнее, чем кажется, — и что он носил фигурку до меня.

Вечерами мы ужинали молча. Могут не смотрел на меня, только перебирал чётки и шептал что-то — может, заговор, может, проклятие. Я жевал жёсткий хлеб, пил горький отвар и смотрел на фигурку, стоявшую на полке. Она не шевелилась. Но я знал — она смотрит.

— Что ты? — спросил я однажды.

Фигурка молчала. Могут поднял голову, но ничего не сказал — только перевёл взгляд с меня на неё и обратно.

— Ты слышишь меня? — снова спросил я, не зная, к кому обращаюсь — к фигурке или к учителю.

Мне показалось — или янтарные глаза блеснули.

Ночью мне снился чертог.

Я стоял перед железной дверью, и тьма вокруг была живой. В моей руке сама собой оказалась фигурка — горячая, пульсирующая. Она тянула меня к двери, как магнит.

— Войди, — шептал голос. — Войди, и ты узнаешь.

Я не хотел. Но ноги шли сами. Рука с фигуркой потянулась к кольцу

— Кто ты? — спрашивал я.

— Твой страх. Твоя надежда. Твоя смерть.

Я просыпался в холодном поту. Рубаха прилипала к спине, сердце колотилось где-то в горле. Фигурка на полке стояла на том же месте. Но её пасть была приоткрыта — шире, чем вчера. Или мне казалось.

Ты зовёшь меня, — думал я. — Ты хочешь, чтобы я спустился.

Зачем?

На четвёртую ночь я лежал на лавке, глядел в потолок. Не спалось. Фигурка на полке не шевелилась, но я чувствовал её взгляд — тяжёлый, липкий, как паутина на лице. Она что-то замышляла. Что-то, о чём я пока не догадывался.

Вдруг она нагрелась.

Не так, как раньше — когда я трогал её, когда носил в кармане. Просто так, сама собой. Тепло разлилось по комнате, заставило воздух дрожать. Я сел, уставился на неё. Янтарные глаза горели — впервые я видел их такими яркими.

Из угла, с полки, донёсся шёпот. Тихий, как скрежет кости по камню:

— Пора. Сегодня. Иначе никогда не узнаешь.

Я не знал, слышал ли это наяву или во сне. Но ноги уже несли меня к двери в подпол. Тяжёлый засов поддался не сразу — пришлось смазать петли маслом, украденным из кладовки. Руки дрожали, но не от страха — от предвкушения.

Подпол пах сыростью и древностью. Ступени уходили вниз, в темноту, которая, казалось, дышала. Она выдыхала холодный, влажный воздух мне в лицо, и в этом воздухе я чувствовал запах — не гнили, а чего-то более древнего. Так пахнет земля, которую не тревожили столетиями.

— Ты идёшь, — сказал я себе. — Не оглядывайся.

Спуск в чертог

Я зажёл свечу — маленький огонёк едва разгонял тьму. Она была здесь плотной, осязаемой — не просто отсутствием света, а чем-то самостоятельным, живым. Она липла к лицу, забиралась в ноздри, в рот, и на вкус была как старая медь.

Первая ступень. Дерево скрипнуло, будто живое. Я почувствовал, как подошва прилипает к чему-то липкому. Наклонился, поднёс свечу — смола. Чёрная, с багровыми прожилками. В свете огонька она блестела влажно, как свежая рана.

Как кровь, — подумал я. — Застывшая кровь.

Я шагнул дальше.

Вторая ступень. Слева, в щели между брёвнами, что-то блеснуло. Глаз. Маленький, жёлтый, с вертикальным зрачком. Я замер. Глаз смотрел на меня не мигая. В нём отражался огонёк свечи — крошечная искра в янтарной глубине.

— Кто здесь? — прошептал я.

Ответа не было. Я поднёс свечу ближе — глаз исчез. Только влажный след на дереве, как будто проползла улитка.

Тебе показалось, — сказал я себе. — Или нет?

Третья ступень. Я наступил на что-то мягкое. Наклонился — мышь. Мёртвая. Из ранки на брюхе сочился зеленоватый дымок, пахло серой и гнилью. Дымок поднимался тонкой струйкой и таял в воздухе, оставляя сладковатый привкус на языке. Я отдернул ногу. Мышь была ещё тёплой.

Кто это сделал? Могут? Или то, что живёт внизу?

Четвёртая ступень. Пальцы нащупали на стене что-то липкое. Смола. В ней, как в янтаре, застыли маленькие кости. Птичьи лапки, челюсть зверька, обломок человеческого пальца с уцелевшим ногтем. Смола не просто хранила их — она их показывала, как скупой показывает свои сокровища.

— Господи, — прошептал я.

— Поздно молиться, — ответил внутренний голос. — Ты уже в аду.

Пятая ступень. Свеча задрожала, и тени на стенах ожили. Они не просто двигались — тянулись ко мне, шевелились, складывались в лица. Лица были разными — мужские, женские, детские, — но все они смотрели на меня с одинаковым выражением. Не злоба. Не страх. Голод.

— Ты умрёшь здесь, — шептали они. — Никто не найдёт твоего тела.

— Заткнитесь! — крикнул я.

Тени замерли. Но ненадолго. Одна из них — длинная, худая — скользнула по стене и потянулась к моему лицу. Я почувствовал холод — не как от сквозняка, а как от прикосновения мёртвых пальцев.

— Иди дальше, — сказал голос. — Или вернись.

Я пошёл.

Десятая ступень. Я провалился.

Рухнул вниз, ударился спиной о землю, свеча выпала и погасла. Темнота стала полной, осязаемой. Она давила на уши, на глаза, на лёгкие. Я лежал, боясь дышать. Где-то рядом, в темноте, что-то шевелилось — я слышал тихое, влажное чавканье, как будто огромный рот пережёвывал что-то мягкое.

— Лежи, не дыши, — приказал я себе. — Они не должны тебя услышать.

В тишине мне почудилось, что кто-то дышит рядом. Не учитель. Что-то большее. Дыхание было тяжёлым, рваным, как у зверя в предсмертной агонии. Оно поднималось откуда-то снизу, из-под земли, и с каждым выдохом воздух становился теплее.

Я замер.

— Кто здесь? — прошептал я.

— Я, — ответил голос. Из стены. Из пола. Из меня самого. — Я — то, что ты ищешь.

— Покажись.

— Ты не готов.

— Всегда не готов, — усмехнулся я. — Покажи!

Тишина. А потом из темноты выступила фигура.

Высокая, тощая, с неестественно длинными руками. Кожа серая, как у мертвеца. Глаза пустые, без зрачков. В груди зияла дыра, и в ней пульсировал зелёный свет — тусклый, лихорадочный.

Ищущий.

Я отшатнулся.

— Ты не настоящий.

— Настоящий, — ответила фигура. — Я — твой страх. Твоё будущее.

Она шагнула ко мне, и я закрыл глаза.

Это не страх, — сказал я себе. — Это морок. Я не боюсь.

Я открыл глаза. Фигура исчезла. Чавканье стихло. Только холод остался — и запах серы.

— Молодец, — сказал голос. — Иди дальше.

Чертог

Я поднялся, нащупал огниво. Искра — раз, другой, третий. Маленький язычок пламени осветил подземелье.

Стены из грубого камня, на каждой — вырезаны руны. Сотни, тысячи. Они слабо светились, пульсировали в такт моему дыханию, и в этом пульсе было что-то живое. Хищное. Я провёл по ним пальцем — камень был тёплым, как кожа больного в лихорадке.

Они смотрят на тебя, — понял я. — Они знают, кто ты.

Я пошёл вперёд. Чертог был необъяснимой формы, он извивался, раздваивался, сходил, но оставался одним большим подвалом. На поворотах стояли каменные изваяния: люди с головами зверей, медведи с человеческими глазами, птицы с тремя крыльями. У одного изваяния вместо лица была пустота, но из пустоты тянулись тонкие, как паутина, нити света. Они уходили в стены и потолок, пульсировали в такт рунам.

Я протянул руку, чтобы коснуться, но отдёргнул — нити оказались горячими. Живыми. Они дёрнулись в мою сторону, и я отступил.

— Я не враг, — прошептал я.

Изваяние не ответило. Но нити медленно втянулись обратно в пустоту, как будто поверили.

В конце коридора показалась дверь. Железная, с огромным кольцом. На двери — те же руны, и между ними — треугольник с глазом. Глаз был вырезан грубо, но смотрел — я чувствовал. Взгляд тяжёлый, оценивающий. Он решал, достоин ли я войти.

Я толкнул дверь. Не поддавалась. Тогда я нажал плечом, навалился всем телом.

Дверь открылась. Со скрежетом, с воем, похожим на крик раненого зверя. Изнутри пахло холодом и гарью — несвежей, старой, как от кострища, которое тлело столетиями.

В комнате было тесно. Вдоль стен — каменные полки. На них — книги. Не берестяные свитки, а настоящие, в кожаных переплётах. Некоторые были такие старые, что кожа потрескалась, из трещин сыпалась труха. Я подошёл к ближайшей. Открыл.

Пустые страницы.

Перелистнул — ничего. Взял другую, третью — все пустые. Только запах древности и тишина. И ощущение, что книги не пусты — просто я не умею их читать.

Я уже хотел выругаться, как одна из книг на верхней полке вдруг засветилась. Фиолетовым с зелёным. Я потянулся к ней, и страницы перелистнулись сами. На них проступили буквы — строчка за строчкой, как под невидимым пером.

«Когда падёт то, что сковано веками, тогда рукой ученика Имя ему —»

Дальше — ничего. Буквы поплыли, превратились в чёрные кляксы, а страницы вспыхнули. Я отбросил книгу, но она уже превратилась в пепел, который, не долетая до пола, рассеялся в воздухе.

— Что это было? — прошептал я.

Ответа не было. Только тишина. И ощущение, что кто-то стоит за спиной.

Сундук

В углу я заметил сундук. Маленький, деревянный, окованный серебром. На крышке — тот же знак: треугольник с глазом. Сундук был приоткрыт.

Я подошёл, заглянул внутрь.

В нём лежали камни. Несколько десятков, все разного размера — от ореха до кулака. На каждом — вырезаны руны. Одни светились тусклым зелёным, другие были мёртвыми, серыми. Я чувствовал силу, исходящую от них — волнами, как жар от печи.

Здесь сила, — понял я. — Целое хранилище силы.

Я протянул руку к самому большому — тёмно-синему, с золотистыми прожилками. Камень был тёплым, почти горячим. И в этом тепле, на самом дне, я почувствовал чей-то взгляд.

— Не трогай, — раздалось за спиной.

Я обернулся. В дверях стоял Могут.

Старый волхв был босиком, в одной ночной рубаше. В руке он сжимал посох, на конце которого горел зелёный огонь. Глаза его были чёрными, без зрачков, и в них не отражался свет. Я никогда не видел его таким — страшным, чужим, нечеловеческим. От него веяло силой — тяжёлой, древней, как от камней в сундуке.

— Я просто хотел — начал я.

— Ты хотел украсть, — перебил Могут. — Украсть то, что веками собиралось. То, за что другие платили жизнью.

— Я ученик. Я имею право знать.

— Право? — Могут усмехнулся. — Право даётся, а не берётся. Ты не заслужил право знать даже малую часть того, что здесь хранится.

Взгляд его упал на мой карман, где лежала фигурка. Волхв побледнел.

— Ты украл её?

— Я взял.

— Она была здесь не просто так. Это — часть древней преграды. Если она выпадет из цепочки, нечто, что мы сдерживали, почувствует свободу. Не сейчас — но когда-нибудь.

— Что — «нечто»?

Могут не ответил. Он смотрел на фигурку, и в его глазах был не только гнев — страх. Настоящий, глубокий страх, которого я никогда не видел у учителя. Он боялся не за себя — за что-то большее.

— Ты не понимаешь, что натворил. Эти твари — они ищут эту вещь, чтобы завершить начатое. Они придут за тобой.

— Какие твари?

— Ищущие. Те, кто не смог выдержать кто пал. Я превратил их в пустые оболочки, чтобы они служили делу. Но теперь они придут за осколком.

Я сжал фигурку в кулаке. Она нагревалась, становилась почти горячей. Жар внутри меня дёрнулся, начал уходить, перетекать в фигурку.

— Что она делает? — прошептал я.

— Высасывает твою силу. И призывает их.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она уже делала это. Со мной.

Я отшатнулся.

— Ты ты носил её?

— Сто лет. И она высосала меня почти досуха. А когда я перестал быть нужен, нашла нового. Тебя.

Я смотрел на учителя и не узнавал его. Сто лет. Этот старик, который ещё вчера учил меня чертить Резы, носил в себе ту же тварь, что теперь грела мой карман. Он выжил. Или не выжил — просто не умер до конца.

— Ты поэтому меня учил? — спросил я, и голос не дрогнул. — Чтобы передать её?

— Я учил тебя, чтобы ты не повторил моих ошибок. Но ты уже повторил. Ты взял её. Ты дал ей себя. Ты уже не просто ученик — ты сосуд.

Я смотрел на фигурку, на свои руки, на Могута.

— Ты не давал мне силы, чтобы я не стал сильнее тебя. Чтобы я не смог уйти.

— Я пытался тебя спасти, — повторил Могут. — Но ты прав. И этого тоже.

Я отшвырнул фигурку. Она упала на каменный пол, звякнула, откатилась к стене. Но даже лёжа на полу, она смотрела на меня своими янтарными глазами.

— Я не стану простым сосудом, — сказал я. — Я выбираю сам.

— Выбирай, — ответил Могут. — Только помни: каждое твоё решение — это сделка.

Пожар

Злость и зависть накатили на меня — я оглох от них, в ушах шумело. Злился на фигурку, на старика, на то, что он молчал об этом. На то, что утаивал всё то, что лежит тут. Я рванул к сундуку, схватил самый большой камень.

На камне, чёрном и гладком, была вырезана руна. Я узнал её — «Разрыв», та, что разрывает любые связи. Могут показывал её однажды и сказал: «Никогда не черти эту руну. Она — для тех, кто готов потерять всё, чтобы обрести свободу».

— Я готов, — прошептал я и влил в руну остатки жара.

Камень вспыхнул.

— Хочешь сделку? — крикнул я. — Получи!

Руны на камне вспыхнули — слишком ярко, слишком сильно. Из камня вырвался огонь — не обычный, а чёрный, с зелёными прожилками. Он ударил в потолок, разнёс полки, поджёг книги. Комната наполнилась дымом, и в дыму закружились тени. Они выли, кричали, звали меня по имени. Я слышал своё имя в их голосах — Микула, Микула, — и от этого становилось ещё страшнее.

— Что ты наделал! — закричал Могут.

— То, что должен был сделать давно! — ответил я.

Я ещё раз влил жар в камень, и камень треснул. Осколки разлетелись по комнате. И тогда в огне, который вырвался из трещин, я увидел лица — те, кто когда-то учился здесь, не выдержал и стал Ищущими. Они корчились, плавились, тянули ко мне руки. Их рты открывались в

беззвучном крике, и из этих ртов вырывался тот же зелёный свет, что пульсировал в трещинах на телах Ищущих. Огонь перекинулся на сундук, на книги, на стены.

— Беги! — крикнул Могут. — Беги, пока я не передумал!

Я выскочил из чертога, взлетел по ступеням, вылетел в избу. Следом повалил дым. На пороге я остановился, оглянулся.

Из пола, из чрева чертога, выползали светящиеся черви — сотни, тысячи. Они впивались мне в ноги, жалили, оставляя крошечные чёрные точки. Я закричал от боли, выбежал на улицу.

Изба горела. Зелёный дым поднимался к небу, и в нём мне почудились лица. Те, кто погиб здесь задолго до меня.

Фигурка снова оказалась в руке — она сама прыгнула в ладонь, когда я бежал. Теперь она была горячее.

— Что ты? — прошептал я.

Фигурка не ответила. Только тепло разлилось по ладони — тяжёлое, сытое. И где-то на грани сознания, даже не словами — ощущением — проступило: Твой выбор. Твоя сделка.

Изгнание

Утром изба догорела. Могут сидел на пепелище, перебирая уцелевшее. Книги сгорели почти все. Сундук превратился в угли. Камни разлетелись на осколки. Я стоял в отдалении, не смея подойти.

— Ты разрушил то, что я клялся хранить, — сказал Могут, не глядя на меня. — Теперь нечто, что мы сдерживали, почувствовало ослабление. Оно будет ждать. Искать лазейки.

— Я не хотел — начал я.

— Не хотел? — Могут поднял голову. Глаза его покраснели, но слёз не было. — Уходи. И помни: ты теперь чужой для всех ведунов. Если кто-то узнает, кто твой учитель — тебя убьют. Если узнают, что ты сделал, — тебя убьют дважды.

Он помолчал, потом добавил:

— Забери этот осколок. Пусть он станет твоим проклятием. Скоро тебя найдут — они чувствуют фигурку. Отдашь — убьют. Не отдашь — тоже.

Я хотел спросить, почему Могут не забрал её сам, почему не уничтожил, почему не убил меня. Хотел спросить про капище, которое он обещал показать — где наши предки разговаривали с богами. Хотел спросить, кто я ему — ученик или просто сосуд, который передают из рук в руки. Но не спросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.